УДК 16

DOI: 10.21779/2500-1930-2019-34-1-39-47

К.М. Магомедов

**Знание и информация в различных познавательных
и коммуникационных стратегиях**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; tagomedov49@mail.ru*

В статье обсуждаются некоторые параметры сравнения понятий «знание» и «информация». Не секрет, что их использование в науке и общении имеет широкий диапазон различий, – от полного отождествления до противопоставления. При всей неразрывной и диалектической взаимосвязи этих понятий в едином потоке постижения человеком мира и себя нам представляется, что они имеют существенное своеобразие, позволяющее заключить, что не всякая информация есть знание. Выяснение этого вопроса становится методологически важным в связи с формированием всеобщей информационной среды во всех сферах человеческой коммуникации.

Ключевые слова: *знание, информация, эпистемология, классическая и диалектическая логика, инклюзивное мышление.*

Наверное, нет ни одной сферы человеческого бытия, культуры и познания, где бы мы ни применяли понятия «знание» и «информация». Интенсивное их использование началось в последнее время в процессе строительства информационного общества, внедрения в практику различных информационных технологий. Применительно к образованию это было выражено в знаменитом Болонском процессе, связанном с созданием единой зоны европейского образовательного пространства на основе всемерного использования информационных технологий.

Диапазон различения смыслов этих понятий достаточно широк: в области науки и обыденной речи мы часто применяем понятия «знание» и «информация», с одной стороны, не дифференцируя их различное содержание, с другой – вкладывая в эти понятия противоположный смысл. Например, в системе правовых наук используем термины «правовое знание» и «правовая информация», в научном дискурсе есть понятия «научное знание» и «научная информация». Не задумываясь мы и о содержательных особенностях этих понятий, что порождает неточность формулировок, снижающих их смысловую и эвристическую ценность.

Достаточно часто знание и информация противопоставляются друг другу. Утверждается, что знание не нуждается в информации и мы приближаемся к знанию лишь в той мере, в какой удаляемся от информации: чем меньше информации, тем значимее роль знания. «Знание против информации» – так парадоксально назвал свой труд профессор менеджмента и корпоративной экономики университета Фордхэма в Нью-Йорке Милан Зелены [15].

На интуитивном уровне улавливается содержательное несовпадение этих понятий, выделяются даже некоторые нюансы их различения, особенно в современную эпоху, когда происходит некоторое отрезвление от «опьянения» последних лет информационным всемогуществом. Эра информации, которая пришла на смену эре знаний, обнаружила некоторые пределы своего роста и оказалась не столь долговечной. Выража-

ясь языком Гегеля, сейчас происходит «возврат якобы к исходному», осуществляются ренессанс знания, возвращение к знанию. Мы убедились в том, что тезис «кто обладает информацией, тот обладает миром» – это всего лишь метафора, верная только отчасти. Обладание информацией неравнозначно обладанию знанием. Страны могут быть богаты информацией, но бедны знаниями и не столь могущественны. Особенно на фоне лавинообразного потока неупорядоченной информации, который уже не поддается эффективной проверке на достоверность.

В свое время, в бытность марксистско-ленинской философии и гносеологии, а также во времена дискуссий, связанных со становлением категориального аппарата кибернетики, споры о содержательных различиях категорий «знание» и «информация» были достаточно популярны. Имели место различные расширительные трактовки понятия информации, когда она утверждалась чуть ли не в качестве основы всего научного и вненаучного познания и отождествлялась со всем знанием и даже с неизмеримо более широким понятием. Особенно распространенными такие позиции были в самом начале развития науки информатики, когда еще не был в полной мере выработан ее категориальный аппарат; информация отождествлялась с отражением вообще, даже предлагалось заменить понятие «отражение» информацией.

В последнее время дискуссии о соотношении понятий «знание» и «информация» несколько поутихли, но содержательная определенность этих категорий до конца так и не была достигнута научным сообществом. Попробуем разобраться в этих понятиях и выделить их единство и своеобразие.

Информация (от лат. *information* – ознакомление, разъяснение, представление) – это вся совокупность сведений об окружающем мире, которые могут быть получены человеком непосредственно своим когнитивным аппаратом или опосредованно – всевозможными техническими системами. В самом широком смысле информация включает в себя различные формы коммуникации людей, обмен сведениями между человеком и автоматом, систему сигналов в животном и растительном мире, передачу признаков на клеточном уровне (например, генетическая информация, биологическое наследование и т. д.).

В литературе выделяется несколько смыслов понятия «информация»:

- 1) сообщение о чем-либо, создаваемое и передаваемое людьми, а также ЭВМ (коммуникативный подход);
- 2) сведения об объектах и явлениях, которые уменьшают имеющуюся о них степень неопределенности и неполноты знаний (вероятностный подход);
- 3) отражение разнообразия в самоорганизующихся объектах (функциональный подход);
- 4) свойство всех систем и объектов, выражающееся в способности передавать отраженное своеобразие (атрибутивный подход);
- 5) в контексте теории информационного общества – интеллектуальный и высокотехнологичный продукт в виде сведений, данных, программ, виртуальных систем, создаваемых человеком и обществом [1, с.75–83].

Знание также является упорядоченной определенным образом формой выражения информации, которая с различной степенью достоверности и объективности идеально отражает те или иные свойства действительности.

Как мы видим в приведенных определениях, эти понятия взаимно переплетаются: знание является формой упорядочения информации о мире, а информация является собой специфическую форму организации знания.

Цель настоящей статьи – выделить некоторые атрибутивные, содержательные, смысловые и функциональные различия этих смежных понятий в современном познавательном дискурсе и коммуникационном пространстве.

Нам представляется, что понятие «знание», с одной стороны, несомненно шире, чем понятие «информация» (если только можно корректно сравнивать различные термины мерками «шире – уже»). Это связано прежде всего с тем, что информацией является не всякое знание, а только та его часть, которая участвует в коммуникационном дискурсе. Информацией является только такое знание, которое обработано, формализовано и унифицировано с целью его передачи в глобальное коммуникационное пространство. В этом аспекте информация является выражением «меры упорядоченности» всего массива знания. Поэтому информацией может быть не всякое знание, а только определенная ее часть.

С другой стороны, можно утверждать, что понятие «информация» шире, чем «знание»: в знание включается не всякая информационная база данных, а только часть, вовлеченная человеком в оборот своей познавательной и оценочной деятельности. Как отмечает Д.А. Поспелов и другие авторитетные представители информационной эпистемологии, имеется шесть общезначимых признаков, отличающих знание в информационной системе, определяющих те границы, в пределах которых информационная база данных превращается в базу знания:

- внутренняя интерпретируемость (когда каждая информационная единица должна иметь уникальное имя, по которому система находит ее, а также отвечает на запросы, в которых это имя упомянуто);
- структурированность (включенность одних информационных единиц в состав других);
- связность (возможность задания каузальных, пространственно-временных и иного рода отношений);
- шкалирование, с помощью которого информационные единицы могут соотноситься друг с другом, создавать определенную упорядоченную иерархию;
- семантическая метрика (возможность задания ситуационных отношений);
- активность (выполнение программ инициируется текущим состоянием информационной базы) [5, с. 5–21].

По мнению А.Д. Урсула, понятия «знание» и «информация» характеризуют познавательную деятельность с разных сторон: 1) только с гносеологической, 2) преимущественно с коммуникативной. Поэтому информацию интересует не познавательный процесс в целом, не процесс порождения знания, а только те его стороны, которые связаны с передачей и преобразованием уже полученного в этом процессе знания [13, с. 18].

Таким образом, информация – это

- 1) не всякое знание, а только такое, которое передано кем-то другим, то есть внешним источником;
- 2) сведения, содержащиеся в том или ином сообщении, и обязательно рассматриваемые как объект передачи, хранения и обработки, поэтому она всегда означает уменьшение степени хаотичности системы и рост порядка, поскольку коммуникация приводит к увеличению степени той упорядоченности, которая существовала до получения сообщения;
- 3) всякое сообщение или передача сведений о чем-либо, что заранее не было известно.

Сказанное, конечно, не означает, что знание не участвует в коммуникационном процессе. Очевидно, что без знания невозможно никакое общение людей. Но оно в отличие от информации несколько иначе участвует в коммуникационном процессе. Как отмечается в литературе, знание отражает статический, структурный аспекты, а информация – процессуальный аспект коммуникации. Поэтому для функционирования знание должно превратиться в информацию, то есть должно быть закодировано, передано по каналам связи и принято адресатом, чтобы ее можно было применять на практике. Знания должны определенным образом фиксироваться, трансформироваться, распределяться и приниматься. Говорить о воздействии знания на что-либо вне информационного процесса бессмысленно. Необходимо превратить знание в определенный информационный ресурс. А для этого и нужны всевозможные *информационные технологии* [4, с. 15]. Таким образом, информационные технологии – это ресурс, через который происходит превращение, преобразование знания в информацию, чтобы затем быть усвоенной людьми.

Перечислим еще и другие аспекты различения понятий знания и информации:

- информация – это особым образом закодированное знание (через двоичную систему «1» и «0», азбуку Морзе и т. д.);

- имеются существенные различия между знанием и информацией и в том, что знание – это не только конечный результат, но и непрерывный процесс его производства со своей известной драматургией. Информационный же процесс имеет преимущественно дело с готовой продукцией. Это позволило известному информационному эпистемологу В.А. Звягинцеву утверждать, что «информация – это знание минус мыслительный процесс» [3, с. 55]. Поэтому информацию интересует не познавательный процесс в целом, не непрерывный и бесконечный процесс производства знаний, а только те его стороны, которые связаны с передачей и преобразованием уже полученных в этом процессе знаний;

- есть резон также утверждать, что информация – инструмент для знания; она путь и средство «транспортизации» знания, поскольку только через информацию оно становится видимым и ощутимым для человека и общества;

- ценность знания определяется мерой его истинности, а ценность информации – мерой функциональности, помощью в достижении цели, т. е. информация инструментальна по своей сути. Поэтому ко многим механизмам постижения бытия, реализующимся не в формах знания, таким, как мифология, религия, искусство и гуманитарные дисциплины, в принципе неприменима традиционная научная метрика истинности или ложности; их ценность определяется вовсе не маркерами истинности, а совершенно иными критериями. Не зря же говорят: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»;

- информационные механизмы подчинены формальной логике, поэтому ценность информации определяется прежде всего мерой её непротиворечивости. Здесь действует главный принцип, выраженный законом «исключенного третьего»: если истинно А, то –А ложно, а третьего не дано. Или А, или –А. В целом для научного мышления, особенно естественнонаучного, это правильная формула, поскольку она истинна, когда непротиворечива. Такая бинарная конструкция мысли особенно важна для юриспруденции, так как весь смысл состязательности юридического процесса состоит в доказательстве наличия факта преступления или правонарушения со стороны обвинения и противоположного заключения со стороны защиты. Не случайно профессиональную подготовку юристов начинают с изучения формальной логики. По этой же логике построены все естественнонаучное знание и информатика: «1 или 0».

Содержательная же логика, выражающая механизмы развития знания, имеет несколько иной механизм действия, суть которого можно выразить формулой «А и –А». Познание, то есть процесс получения знания, во многом нелогичен, противоречив, парадоксален. Поэтому в механизмах постижения мира в формах знания, в отличие от информационных процессов, часто действует *инклюзивная* метрика оценки действительности, отказывающаяся от бинарно-дихотомической стратегии традиционного мышления. Согласно этой метрике к оценке многих процессов мировоззренческого порядка, как, например, культурной, религиозной и этнической идентичности, вообще некорректно подходить с мерками истинности: нельзя одну религию или культуру называть правильной, другие – неправильными. Не секрет, что эгоцентризм в подобных вопросах является главной причиной различных экстремистских проявлений в обществе. Поэтому, как отмечает директор Института философии РАН академик А.В. Смирнов, не могут считаться истинными те культурные формы и конфессии, которые не считают истинными другие [9, с. 50–51].

Конечно, сказанное не означает, что под метрику истинности мы должны подгонять все без исключения религии и культурные феномены. Ведь есть и такие, которые имеют открыто деструктивный характер, опасны для физического и морального здоровья человека, поэтому они запрещены законодательно.

О становлении такой инклюзивной метрики видения современной мультикультуры мы говорили в ряде статей [6, с. 128–132; 7, с. 170–175];

– знание, особенно гуманитарное, в отличие от информации, оцениваемой через двоичную и бинарную метрики соответствия или несоответствия действительности, имеет также различное символическое измерение. Например, суждение «Волга впадает в Каспийское море», которое часто приводится в учебниках по формальной логике как пример предложений, истинность которых не вызывает сомнений. Естественно, все иные форматы оценки подобных суждений рассматриваются в науке как неистинные. А теперь сравните с вышеприведенным поэтическое метафорическое суждение из известной советской песни в исполнении Марии Пахомовой: «Кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море? Волга впадает в сердце мое!». Согласитесь, автор этой песни и знаменитая певица правы не меньше, чем обыватель, для которого верен только первый тезис;

– функционирование человеческого интеллекта, деятельность по производству знания неотделимы от интуиции, волевых, эмоциональных компонентов, субъективных оценочных моментов, живого мыслительного процесса, без которых постижение мира теряет творческое начало, становится статичным, знание превращается в голую информацию со своими особенностями. Отмеченная выше особенность функционирования знания и познания позволила исследователям информационной эпистемологии заключить, что «информация – это знание минус мыслительный процесс», о чем говорилось выше.

Нам представляется, что в механизмах постижения знания больше действуют гносеологические механизмы, ориентированные на хорошо известные корреспондентскую истину, определяющую меру соответствия знания и действительности, и когерентную истину, измеряющую меру непротиворечивости и внутренней взаимосогласованности всего массива знания без обращения к действительности. Они хорошо разработаны в классической философии и философии науки и подробно изучаются гносеологией и эпистемологией. В информационных же механизмах больше действуют негносеологические истинностные определители оценки глубины постижения мира.

Во-первых, согласитесь, часто ценность той или иной информации определяется не метрикой ее соотношения с действительностью, а совершенно иными критериями: функциональными, прагматическими, воспитательными, педагогическими и другими. Это означает, что ценность многих иллюзорных форм постижения мира, к которым относятся сказки, мифы, определяется не метрикой соответствия или несоответствия информации действительности, а негносеологическими, прагматическими и воспитательными соображениями, поскольку восхождение по различным ступеням абстрагирования и в филогенезе, и в онтогенезе начинается с простейших форм постижения мира.

Во-вторых, было бы совершенно некорректно оценивать все без исключения религиозные тексты через метрику гносеологического измерения знания. Вспомним, к примеру, известный новозаветный сюжет, когда Иисус пятью хлебами и одной рыбиной накормил пять тысяч человек и еще осталось много корзин в запасе. Согласитесь, было бы совершенно глупо переносить на подобные сюжеты гносеологическую оценочную метрику и доказывать, что накормить такое количество людей этой пищей невозможно. Здесь совершенно справедливо действует иная символическая концепция истинности информации, без которой любая религия мертва [2; 8]. В данном примере речь идет об искреннем желании пророка накормить и напоить всех жаждущих, сделать их довольными и счастливыми в этом мире. Об отсутствии в религиозно-мифологических сюжетах даже намека на гносеологическую метрику оценки знания прямо указывает известный сюжет Тайной Вечери, когда Иисус отвечает своему ученику и сподвижнику апостолу Фоме: «Я есмь истина и свет».

В-третьих, в информационном процессе действуют не только гносеологические метрики истинности, но и набирающие популярность в последнее время различные полиграфологические и профайлерские технологии оценки информации по физиологическим и поведенческим показателям [9, с. 84–88; 10, с. 147–153]. Передачи с использованием этих технологий чрезвычайно популярны на современном телевидении, особенно на Первом канале.

В-четвертых, знание – это не просто сумма данных, а интерактивный процесс усвоения их человеком, способность интерпретировать данные. Поэтому знание – это фрагмент сознания, который всегда имеет личностный характер, и оно не может быть отделено от своего носителя. В этом плане известная работа Макса Полани «Концепция личностного знания», где раскрывается эта сторона познания и знания, более чем полезна. Кстати, необходимо заметить, что личностная природа знания характерна не только для социально-гуманитарного знания, как это часто представляют. Эта черта, пусть не в такой очевидной форме и степени, присуща всему знанию. По большому счету одна из отличительных черт классического, неклассического и постнеклассического естествознания проявляется именно в степени присутствия в нем субъекта, наблюдателя. Ведь теория относительности потому так и называется, что она устанавливает точку отсчета, относительно которой вводится метрика изменения, определяемая исследователем, ученым. Одна метрика в отношении одной точки отсчета и совершенно другая – в отношении другой. Квантовая физика подчеркивает эту принципиальность, субъектность всего знания, неустранимость субъекта из познавательного дискурса, поскольку присутствие самого наблюдателя оказывает возмущающее воздействие на метрику физических процессов.

Информация же в своей основе внеличностна. Не случайно инвариантность и многовариантность информации – важнейшие ее отличительные свойства. Это означает ее относительное «безразличие» к носителю информации; он может быть самым различным, имеющим или вещный, или знаковый, или материальный, или идеальный ха-

рактический. Сама физическая природа носителей информации принципиального значения для оценки информационных процессов не имеет. Важно лишь, чтобы эти носители обладали способностью изменения своей внутренней структуры в динамических процессах.

В качестве материала для критических размышлений перечислим еще некоторые нюансы различия знания и информации:

- хотя и познавательный, и информационный процессы имеют субъектно-объектную природу, между ними есть также различие, проявляющееся в том, что знание – один из внутренних атрибутов человеческого Я, оно как бы находится «внутри» субъекта, тогда как информация имеет, как правило, внешний источник, приходит к человеку извне; с ее помощью осуществляется взаимодействие человека с внешним миром. Поэтому знание непременно нуждается в субъекте-носителе, а информация существует вне отношения к возможному носителю. Можно сказать, что информация находится на каком-то объективном носителе; знание же выражает субъектную форму своего воплощения в «головах» познающих людей;

- отсюда вытекает еще одно важное различие этих понятий, проявляющееся в «мере» присутствия в них субъекта. Отсюда и различная степень субъективной окрашенности знания и информации. Поэтому информация – это внешнее, не подкрепленное личным опытом знание, а знание – интерпретированная на наш собственный лад информация. Последняя всегда осмыслена и переработана человеком; знание формируется под влиянием поступающей информации только после переработки человеком и непротиворечивого ее включения в существующую картину мира. Информация, будучи воспринятой субъектом, может стать знанием, только видоизменившись через обработку ее сознанием, от уровня которого и зависят степень и качество этих изменений;

- можно также заключить, что знание – это конечная стадия преобразования информации, прошедшей многоступенчатую обработку и проверку. Не оформленная в систему определенного знания информация остается неиспользуемым и бесполезным балластом, засоряющим когнитивное пространство человека и человечества. Лишь упорядоченная, систематизированная, очищенная от случайностей и несущественных моментов информация в состоянии пополнить арсенал человеческого знания. Поэтому смело можно утверждать, что знание – это то, что остается, когда сама информация уже забыта всеми и перестала функционировать;

- в отличие от информации в знании непременно присутствуют механизмы понимания. Восприятие информации далеко не всегда осознается и понимается субъектом; оно часто представляет собой своего рода нейролингвистическое программирование, проходящее через каналы подсознания, о котором часто пишут в последнее время;

- знание – это оформленная соответствующим образом, наделенная смыслом, проверенная практикой информация, имеющая социальное значение и готовая к продуктивному применению, полученная в соответствии с определенными критериями и нормами.

В изложенном выше материале мы использовали известный исследовательский прием – рассмотрение в «чистом» виде, обнажая некоторые различия понятий знания и информации. В реальности же знание не может быть вырвано из глобального информационного потока. Знания и информация являются двумя важными потоками, обеспечивающими подлинное господство человека в окружающем мире. Остается надеяться, что перечисленные различия в понимании понятий «знание» и «информация» позволят упорядочить их использование в научной деятельности и общении.

Литература

1. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 75–83.
2. Билалов М.И. Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // Исламоведение. – 2016. – Т. 7, № 1 (27). – С. 59–66.
3. Звягинцев В.А. Проблема отношений человека и машины в компьютерной революции // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 53–56.
4. Киреев Е.М. Философия информатики: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ГТУ, 2007. – 123 с.
5. Кондрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / под ред. Д.А. Поспелова. – М.: Наука, 1989. – 328 с.
6. Магомедов К.М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Диалог культур в глобализирующемся мире» (с международным участием) / под ред. Манаповой В.Э., Мутиевой О.С. – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – С. 128–132.
7. Магомедов К.М. Эксклюзивная и инклюзивная метрики в межконфессиональном диалоге // Международная научная конференция «Традиционный ислам в России и Зайнулла Расулев», 4–7 июля 2018 г. – Уфа: Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, 2018. – С. 170–175.
8. Магомедов К.М. Проблема истины в философии и теологии // Исламоведение. – 2016. – Т. 7, № 2 (28). – С. 46–59.
9. Магомедов К.М. Почему бы не быть физиологической концепции истины? // Вестник РФО. – 2016. – № 2. – С. 84–88.
10. Магомедов К.М. О физиологической метрике истинности информации // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сб. статей / под ред. Маслобоевой О.Д. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 147–153.
11. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985.
12. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Материалы XII Всероссийской конференции «Проблемы российского самосознания: историческая память народа» (апрель 2015 г.). – М.–Махачкала: Дельта-Пресс, 2015. – С. 43–54.
13. Урсул А.Д. Проблема информации в современной жизни. Философские очерки. – М.: Наука, 1975.
14. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. – М.: Наука, 1990.
15. www.elitarium.ru. Обр. 20.01.18 в 15–45.

Поступила в редакцию 20 января 2019 г.

UDC 16

DOI: 10.21779/2500-1930-2019-34-1-39-47

Knowledge and information in various cognitive and communication strategies

K.M. Magomedov

*Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
magomedov49mail.ru*

The article discusses some parameters of comparing the concepts of “knowledge” and “information”. It is no secret that their use in science and communication has a wide range of differences, ranging from full identification to opposition. With all the indissoluble and dialectical relationship of these concepts in a single stream of human understanding of the world and self, it seems to us that they have a significant originality, allowing to conclude that not all information is knowledge. Clarification of this issue becomes methodologically important in connection with the formation of a universal information environment in all spheres of human communication.

Keywords: *knowledge, information, epistemology, classical and dialectical logic, inclusive thinking.*

Received 20 January, 2019